

3. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2004 № 213-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 39.
4. Каменецкий В. А., Патрикеев В. П. Основы социальной экономики. М.: «Экономика», 2010. 798 с.
5. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Законодательное искажение отношений собственности и участия в структуре хозяйственных товариществ и обществ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 3. С. 32–40.
6. О коренной перестройке дела охраны природы в стране : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 07.01.1988 № 32 // Свод законов СССР. 1990. Т. 4.
7. Злобин С. В. Этапы развития экологического предпринимательства в России // Новая правовая мысль. 2010. № 3. С. 44–47.
8. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Вернуть понятие собственности в материалистическое русло // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 16 (3). С. 241–248.

REFERENCES

1. Yakovlev V. N. Constitutional statements – fundamental principles of the concept of improvement of the civil and other branches of legislation in modern Russia // Legal literature of XXI century: materials of the all-Russia scientific and practical conference devoted to 80-anniversary of UGPI-UdGU, April 14–15, 2011 / GOUVPO Udmurtsky state university, Institute of law, social management and safety; editorial board: С. D. Buntov, V. G. Ivshin, M. A. Mokshina et al. Izhevsk: Jus est, 2011. P. 297–313.
2. Yakovlev V. N. Components of the environment is neither a thing nor a property, its use and protection is the subject of the ecological and natural resources branches of the law // Russian justice. 2010. # 8. P. 5–11.
3. On incorporation of changes into the first part of the Civil Code of the Russian Federation: federal law dated 30.12.2004 # 213-FZ // Collection of the RF legislation. 2005. # 1 (part 1). Article 39.
4. Kamenetsky V. A., Patrikeyev V. P. Fundamentals of the social economics. M.: “Economics”, 2010. 798 p.
5. Goncharov A. I., Ryzhenkov A. Ya., Chernomoretz A. E. Legislative misrepresentation of the property relations and participation in the structure of economic partnerships and companies // National interests: priorities and safety. 2011. # 3. P. 32–40.
6. On the fundamental reconstruction of the nature preservation in the country: decree of the CPSU Central Committee, USSR Board of Ministers dated 07.01.1988 # 32 // USSR collection of laws. 1990. Vol. 4.
7. Zlobin S. V. Stages of ecological entrepreneurship in Russia // New legal thought. 2010. # 3. P. 44–47.
8. Goncharova A. I., Ryzhenkova A. Ya., Chernomoretz A. E. Put back the concept of property into materialistic way // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. # 16 (3). P. 241–248.

УДК 349.41
ББК 67.407.1-32

Чаркин Сергей Анатольевич,
заместитель председателя Волгоградского областного суда,
канд. юрид. наук,
г. Волгоград,
e-mail: anisimovap@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

TO THE ISSUE ON THE CONTENT OF THE LAND LEGAL RELATIONS

Рассматриваются теоретические вопросы содержания земельных правоотношений, структура субъективных земельных прав и юридических обязанностей, специфика их осуществления в рамках регулятивных и охранительных правоотношений. Несмотря на существующие в науке точки зрения, отрицающие наличие в структуре субъективного права права-пользования или права-притязания, доказывается, что субъективное земельное право включает право-действие, право-пользование, право-требование и право-притязание. С этой точки зрения владение, пользование и распоряжение – это не правомочия собственника земельного участка, а субправомочия. Структура юридической обязанности включает в себя четыре правомочия – необходимости, корреспондирующие субъективным правам – возможностям.

The article has reviewed the theoretical issues of the content of the land legal relations, the structure of subjective land rights and legal duties, specificity of their implementation within the frame of regulatory and guarding legal relations. Despite the existing scientific points of view, denying the availability of the right to use and the right to claim in the structure of subjective right, it is proved that the subjective land right includes the right to act; right to use, right to require, and the right to claim. From this point of view, possession, use and disposition are not powers of the land plot owner, but sub-powers. The structure of the legal duty includes four powers – necessities corresponding to the subjective rights – possibilities.

Ключевые слова: правоотношение, субъективное право, юридическая обязанность, возможность, земельный участок, право собственности, формы реализации, владе-

ние, пользование, разрешенное использование, правомерные действия, самовольный захват.

Keywords: legal relations, subjective right, legal duty, possibility, land plot, property right, implementation forms, possession, use, permitted use, lawful actions, autocratic capture.

Вопрос о содержании земельных правоотношений является одним из самых малоисследованных в современной юридической науке. Приступая к его рассмотрению, следует сразу обратить внимание на существование различий между материальным и юридическим содержанием правоотношения. Материальное содержание правоотношения – это фактическое поведение его участников. В свою очередь, юридическое содержание – это взаимные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношения.

Поскольку фактическое поведение присутствует в любом общественном отношении, в нем нет каких-то специфических правовых характеристик (оно может проявляться, например, в выращивании арендатором сельскохозяйственных культур). Далее мы будем рассматривать только юридическое содержание земельного правоотношения, которое раскрывает специфику правоотношений по сравнению со всеми иными видами общественных отношений.

Наиболее дискуссионным является вопрос о соотношении субъективного права и составляющих его содержание возможностей.

Как отмечал В. А. Белов, можно выделить три наиболее распространенных подхода к определению субъективного гражданского права: 1) право как мера возможного поведения субъекта; 2) право как возможность требовать определенных действий (бездействия) обязанного субъекта и 3) комбинационный подход, объединяющий первые два [1, с. 217].

На наш взгляд, **субъективное земельное право** представляет собой не просто возможность лица самостоятельно своей волей и в своем интересе определять варианты своего поведения (а также поведения правообязанной стороны), но и обеспеченную законом **меру такого возможного** (право на свои действия или бездействия) и **должного поведения** (право на чужие действия или бездействия). Признак меры означает количественную сторону реализуемой субъектом возможности. При неисполнении предусмотренных правом и реализуемых в рамках регулятивных правоотношений возможностей их обладатель **может прибегнуть к мерам государственного принуждения**.

Изложенное понимание субъективного права требует уточнения терминологического смысла категории «возможность». Представляется, что данная категория может толковаться с различных методологических позиций. Во-первых, при филологическом толковании «возможность» – это средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь [2].

Во-вторых, в случае понимания возможности в качестве *средства реализации* субъективного права можно констатировать ее совпадение с самим «субъективным правом» в его «классических» формах: право-пользование, право-требование, право-действие, право-притязание.

В-третьих, ГК РФ трактует «возможность» как *способность* своими действиями приобретать, осуществлять какие-либо права, исполнять определенные обязанности (например, в случае с дееспособностью по ст. 21 ГК РФ).

На наш взгляд, возможность не совпадает с субъективным правом, а отражает содержательную сторону (дина-

мику) осуществления входящих в его состав конкретных правомочий. Если же попытаться применить данную теоретическую конструкцию к земельным отношениям, можно обнаружить, что общераспространенное представление о субъективном праве как возможности свободно определять вид и меру своего поведения нередко вытесняется возложением на правообладателя земельного участка ряда обязанностей, которые можно понять и как смешение субъективного права и юридической обязанности.

Так, собственник земельного участка вправе использовать его по своему усмотрению. Однако если он использует его недостаточно интенсивно (или не использует вовсе) законодатель предполагает изъятие у него земельного участка и продажу его с публичных торгов (ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г.). Более того, согласно ст. 40 ЗК, собственник *вправе* возводить жилые и иные строения с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных и иных правил и нормативов. Согласно ст. 42 ЗК РФ собственник *обязан* соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, противопожарных и иных правил и нормативов. При этом остается совершенно непонятным, о праве или об обязанности все-таки идет речь. Думается, что в последнем случае правильной говорить не о появлении новых тенденций, связанных с отождествлением субъективного права и юридической обязанности, а, скорее, о недостатках юридической техники в ЗК РФ.

Более сложная ситуация будет в случае изъятия неиспользуемого земельного участка. Как отмечал В. А. Тархов, ст. 209 ГК закрепляет права собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, в то время как ст. 240, 241 ГК РФ предусматривают возможность изъятия у собственника имущества в случаях бесхозяйственного его содержания. «Создается впечатление, будто бы обязанность хозяйского отношения к вещам входит в содержание права собственности, право является в то же время обязанностью. Однако это не так. В правовом отношении собственности нет такой обязанности собственника, потому что другая сторона – окружающие собственника лица – не имеет права требовать исполнения этой обязанности. В ст. 240, 241 ГК РФ речь идет о таких вещах, в которых заложен большой общественный интерес, и государство как представитель общества вправе требовать от собственника надлежащего отношения к подобным вещам, а собственник обязан выполнить это требование под страхом применения к нему предусмотренных указанными статьями последствий. Это другое правоотношение» [3, с. 117]. Следовательно, смешения прав и обязанностей здесь нет, и речь идет о публичных ограничениях и санкциях за их неисполнение.

Указанное обстоятельство обуславливает необходимость выявления внутренней структуры субъективного земельного права. Заметим, что развитие представлений о *структуре* субъективного права прошло в советской юридической науке несколько этапов. Первоначально в ней господствовал подход, согласно которому субъективное право как юридическая возможность включает в себя три взаимосвязанных конкретных возможности (правомочия): право на положительные действия, право требовать исполнения юридической обязанности, право на защиту при нарушении юридической обязанности. С содержательной стороны центральным элементом субъективного права считалась юридическая возможность собственных действий,

тем более что именно сюда относилась возможность обладать, пользоваться и распоряжаться социальными благами и ценностями, в том числе свободой [4].

Эта конструкция вызвала и ряд возражений. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский полагали, что «субъективное право не было бы правом, если бы его осуществление не обеспечивалось мерами государственного принуждения. Поэтому возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями» [5, с. 225].

Наряду с этим, в советской юридической литературе был поставлен вопрос и о четвертом элементе субъективного права – самостоятельном значении возможности пользования социальным благом. Н. И. Матузов писал, что «возможность пользоваться определенным социальным благом – экономическим, политическим, духовным, культурным – является четвертым необходимым элементом субъективного права, который как бы органически скрепляет три остальные и придает им практически реальный смысл» [6, с. 115]. Впоследствии данный подход получил широкую поддержку в научной литературе [7].

В данном случае речь идет о структуре субъективного права в целом. Если же говорить об отдельных обязательствах, возникающих, например, по поводу купли-продажи земельного участка (например, дачного), то в них мы обнаружим только два правомочия – правомочие требования и правомочие притязания. Наиболее же «классической» моделью субъективного земельного права, включающего в свое содержание весь набор правомочий, является субъективное право собственности на земельный участок (причем без разницы, частной или публичной собственности). При этом заметим, что «деление гражданских правоотношений на абсолютные и относительные носит в значительной степени условный характер, поскольку во многих гражданских правоотношениях сочетаются как абсолютные, так и относительные элементы» [8, с. 87]. Действительно, таким сочетанием характеризуются права арендатора, субъекта безвозмездного срочного пользования земельным участком и т. д.

Учитывая изложенное выше уточняющее обстоятельство, рассмотрим структуру субъективного земельного права на примере абсолютных правоотношений (правоотношений собственности на земельный участок). При этом сразу обратим внимание на тот факт, что, во-первых, абсолютные субъективные права следует отличать от вторичных прав (право акцепта, право на принятие наследства и т. д.), которым не противостоят обязанности. В случае с правом собственности обязанности возникают у неопределенного круга лиц, хотя и носят пассивный характер. Во-вторых, не существует исчерпывающего перечня правомочий собственника земельного участка. Наиболее общие (рамочные) права закреплены в ГК и ЗК РФ и конкретизируются в иных федеральных законах, законах субъектов РФ и подзаконных актах федерального, регионального и муниципального уровня. При этом набор таких прав и их непосредственное содержание ощутимо отличаются в зависимости от целевого назначения и разрешенного использования земельного участка.

Если же говорить в самом общем виде, то у собственника земельного участка можно выделить следующие виды правомочий:

1. Право-пользование. Данное правомочие означает возможность владения и пользования земельным участком в соответствии с его целевым назначением и разрешенным использованием. В состав данного правомочия входит возможность получения прибыли от хозяйственной эксплуатации земельного участка либо удовлетворение некоммерческих нужд (проживание, ведение дачного хозяйства и т. д.). Содержание права-пользования принципиально различается у частного и публичного собственника. Последние в лице органов государственной власти и местного самоуправления сами непосредственно не занимаются осуществлением хозяйственной деятельности на земельном участке, равно как и не могут использовать его в потребительских целях.

2. Право-требование. Данное правомочие следует отличать от права-притязания. Основное различие между ними состоит в отношении к категории принуждения: первое не обеспечивается таковым в отличие от второго. Императивность права-требования выражается не только в самом предъявлении требования, но и в той юридической обязанности, которая делает необходимым определенный вариант поведения правообязанной стороны.

Так, например, собственник вправе требовать от любых третьих лиц исполнения возложенных на них объективным правом обязанностей как активного, так и пассивного типа, содержащих либо не содержащих признаки противоправного поведения и препятствующих осуществлению его субъективных земельных прав. Право собственника требовать прекращения правомерных действий проявляется, например, в случае его обращения к органу публичной власти с ходатайством о прекращении действия публичного сервитута, обременяющего его земельный участок, если исчезли общественные нужды, повлекшие ранее его установление (п. 2 ст. 48 ЗК РФ). Примером прекращения правомерных действий будет являться требование собственника (как частного, так и публичного) о прекращении самовольного захвата его земельного участка третьими лицами и устранении последствий такового.

3. Право-действие (право-поведение) охватывает все действия управомоченного субъекта, которые он осуществляет самостоятельно в целях реализации своих прав (включая самозащиту земельных прав). В состав данного правомочия входят следующие возможности: осуществлять распоряжение земельным участком (продать, передать в аренду и т. д., причем в случае с публичным собственником такое право может быть ограничено необходимостью проведения торгов); использовать для собственных нужд находящиеся на участке общераспространенные полезные ископаемые, пресные подземные воды, пруды и обводненные карьеры; возводить жилые, производственные и иные здания, строения и сооружения в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием земельного участка; производить осушительные и иные мелиоративные работы, строить пруды и т. д.

4. Право-притязание. Как справедливо отмечал Ф. М. Рудинский, «принуждение является вынужденной реакцией на правомерное поведение. Оно необходимо для защиты интересов общества и его граждан и регламентировано законом» [9]. Данное правозащитное полномочие отличается от права-поведения и права-требования тем, что имеет ретроспективное значение. Оно включает в себя ряд возможностей собственника по защите своих нарушенных прав в административном (посредством направления жалоб и заявлений в исполнительные органы государственной

и местной власти) или судебном порядке (в том числе посредством третейских судов).

О. Ю. Селиванова полагает, что «реальное субъективное право может включать одно, два и более правомочий, каждое из которых, в свою очередь, имеет свою структуру и состоит из более “мелких” элементов (субправомочий)» [10, с. 18]. Думается, что этот подход не противоречит общепринятому пониманию структуры субъективного права, а, скорее, существенно развивает его указанием на эластичность, приспособляемость субъективного права к юридически значимой ситуации его осуществления.

Указанный вывод о существовании субправомочий можно проследить на примере любого правомочия субъективного земельного права. Так, например, право-притязание может включать в себя самые разнообразные возможности субъекта земельных отношений обратиться за защитой своих интересов в различные суды (общей юрисдикции, конституционный суд и т. д.) и другие компетентные органы (государственные и негосударственные).

Наряду с субъективным правом, элементом содержания земельных правоотношений выступает *юридическая обязанность*. В самом общем виде субъективная обязанность – мера должного поведения участника земельного правоотношения. Сущность обязанностей кроется в необходимости совершения субъектом определенных действий или воздержания от них, а их содержание различается в регулятивных и охранительных правоотношениях.

Н. Г. Александров определял юридическую обязанность как требуемые законом вид и меру «должного поведения лица, соответствующие субъективному праву другого лица» [11, с. 112]. Н. И. Матузов и Б. М. Семенко писали, что обязанность следует понимать: 1) как вид и меру должного поведения; 2) как необходимый элемент демократии; 3) как неотъемлемую черту жизни; 4) как звено в механизме правового регулирования; 5) как одно из слагаемых правового статуса личности; 6) как средство правового воспитания граждан; 7) как гарантию и необходимое условие осуществления прав; 8) как фактор укрепления законности и правопорядка, выполнения функций государства [12, с. 29].

Юридическая обязанность как целостное правовое явление характеризуется следующими признаками: 1) юридическая обязанность – это предписанный законом вариант поведения; 2) сущность обязанности заключается в том, что она есть мера необходимого поведения, причем такая мера, которая обладает безусловной императивностью; 3) в каждом конкретном случае, т. е. в конкретном правоотношении, юридическая обязанность наполняется таким содержанием, которое согласовано с корреспондируемым с ней правомочием; 4) юридическая обязанность всегда направлена на удовлетворение требований, вытекающих из того или иного правомочия; 5) юридическая обязанность обеспечена мерами принуждения (санкциями) [13, с. 85].

Существует два подхода к пониманию структуры юридической обязанности. Одни считают, что юридическая обязанность имеет три основные формы: обязанность воздерживаться от запрещенных действий (пассивное поведение); обязанность совершать конкретные действия (активное поведение); обязанность претерпевать меры юридической ответственности [14, с. 94].

Другие выделяют четыре вида обязанностей: необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них; необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного; необходимость нести юридическую от-

ветственность за неисполнение этих требований; необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право [15, с. 492]. Последний подход разделяется и нами, поскольку структура субъективного права и юридической обязанности должны совпадать. Рассмотрим более подробно указанные виды земельных юридических обязанностей:

а) необходимость не препятствовать пользованию субъективным правом. Реализуется путем соблюдения предусмотренных законом запретов. Заметим, что в абсолютных правоотношениях речь идет о пассивных обязанностях не самого собственника, а третьих лиц. Последнее означает, что одному носителю субъективного права собственности на земельный участок противостоит неопределенный круг лиц (включая даже и не знающих о нем), наделенных юридическими обязанностями пассивного типа;

б) необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них может повлечь (или не повлечь) появление у обязанного лица права на получение встречного удовлетворения. В качестве примера последнего отметим передачу земельного участка по договору купли-продажи, что влечет право продавца требовать от покупателя уплаты покупной цены. Между тем большая часть подобных правоотношений не влечет никакого встречного удовлетворения, например проведение обязательных мероприятий по охране земель и других природных ресурсов; уплата земельного налога; сохранение межевых, геодезических и иных знаков, расположенных на участке собственника; соблюдение в ходе использования земельного участка его целевого назначения и разрешенного использования способами, которые не наносят вред окружающей среде; соблюдение требований градостроительных регламентов и т. д.;

в) необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного (например, такая ситуация может возникнуть в случае предъявления требований государственного инспектора к собственнику земельного участка в ходе осуществления земельного контроля об устранении нарушений земельного законодательства);

г) необходимость претерпевать неблагоприятные меры имущественного или неимущественного характера в рамках юридической ответственности, которая реализуется в рамках охранительных земельных правоотношений.

Аналогично субъективному праву каждая из четырех указанных «необходимостей» состоит из более мелких «долженствований». Так, необходимость нести юридическую ответственность включает в себя «субобязанность» претерпевать меры дисциплинарной, уголовной, административной, гражданско-правовой, земельно-правовой или иной юридической ответственности.

Реализация земельных юридических обязанностей происходит в двух формах – соблюдения (добровольном и принудительном) и исполнения, в отличие от субъективных прав, реализуемых в форме соблюдения, исполнения, использования и применения. Основными методами исполнения юридических обязанностей являются убеждение и принуждение.

Деление юридических обязанностей по отраслевому критерию, как и в случае с субъективными правами, не имеет особого практического значения ввиду тесного взаимодействия норм таких отраслей. В самом деле, как можно понимать обязанность собственника земельного участка сельскохозяйственного назначения по уведомлению органа

публичной власти перед продажей земельного участка (ст. 8 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г.) – как земельную или как гражданскую обязанность? Если считать, что это публичное ограничение и потому такая обязанность земельная, то тогда из ГК РФ следует убрать все нормы о публичном договоре, государственной регистрации и т. д.

Все приведенные выше суждения относились к двум разновидностям регулятивных земельных правоотношений – относительным и абсолютным. Между тем свою специфику субъективные права и юридические обязанности имеют в *общерегулятивных правоотношениях*. Принципиальной особенностью последних является более высокий уровень отражения субъективных прав и юридических обязанностей, поскольку они фиксируются непосредственно в нормах конституционного права (например, ст. 36 Конституции РФ).

Всеобщим субъективным правам корреспондируют всеобщие юридические обязанности. К числу таких субъективных прав относятся те, которые возникают лишь при наличии соответствующих юридических фактов, но для своей реализации не нуждаются в конкретных правоотношениях и не имеют определенного круга обязанных лиц. Примером всеобщих прав можно считать право общего природопользования, заключающееся в возможности граждан беспрепятственно пребывать на государственных и муниципальных земельных участках (включая неразграниченные государственные земли) лесного и водного фонда (либо в составе иных категорий земель), пользоваться соответствующими природными ресурсами (купаться в реке, собирать грибы и т. д.). В свою очередь, на органы государственной власти и местного самоуправления возлагается обязанность не препятствовать им в этом.

Примером всеобщих обязанностей является долг каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ). Заметим, что нарушение прав и обязанностей, вытекающих из общерегулятивных правоотношений, влечет возникновение

не «общеохранительных», а обычных охранительных правоотношений.

В рамках *охранительных правоотношений* субъективные права и юридические обязанности имеют принципиально иное, чем в регулятивных правоотношениях, содержание. Общей особенностью охранительных земельных правоотношений является основание их возникновения – не из правомерного юридического факта, а из земельного правонарушения.

Своеобразие охранительных правоотношений заключается в том, что они опосредствуют применение государственно-принудительных мер, охватываемых понятием юридических санкций. Субъективное право в охранительном правоотношении состоит в правомочии компетентных лиц по применению санкций. Юридическая же обязанность состоит в их претерпевании, на основе которого лицо в ряде случаев обязано и к совершению известных положительных действий (уплата штрафа, возмещение убытков) [16, с. 149].

Таким образом, несмотря на существующие в науке точки зрения, отрицающие наличие в структуре субъективного права права-пользования или права-притязания, мы полагаем, что субъективное земельное право включает право-действие, право-пользование, право-требование и право-притязание. С этой точки зрения владение, пользование и распоряжение – это не правомочия собственника земельного участка, а субправомочия. Соответственно, структура юридической обязанности включает в себя четыре правомочия – необходимости, корреспондирующие субъективным правам – возможностям. Структура субъективного земельного права и юридической обязанности не монолитны и включают соответствующие субправомочия и субобязанности.

Существует определенная специфика содержания и осуществления субъективных прав и исполнения юридических обязанностей в регулятивных и охранительных правоотношениях, а также (в рамках регулятивных) в относительных, абсолютных и общерегулятивных правоотношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 993 с.
2. Возможность [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Ожегова. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/3809.shtml> (дата обращения: 01.12.2011).
3. Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Уфа: Уфимск. юрид. ин-т МВД РФ, 1998. 207 с.
4. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 176–177.
5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Юридическая литература, 1961. 381 с.
6. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия (теоретические проблемы субъективного права). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 290 с.
7. Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб.: Питер, 2004. 512 с.
8. Гражданское право : учебник: в 2 ч. Изд-е 3, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. Ч. I. 632 с.
9. Рудинский Ф. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. 2000. № 31.
10. Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 22 с.
11. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госгориздат, 1955. 175 с.
12. Матузов Н. И., Семенко Б. М. Исследование проблемы юридических обязанностей граждан СССР // Советское государство и право. 1980. № 12. С. 25–36.
13. Матузов Н. И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 83–91.
14. Теория государства и права : учебное пособие : в 2 ч. Екатеринбург, 1994. Ч. 2. 207 с.
15. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 1997. 672 с.
16. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

REFERENCES

1. Civil law: vital issues of the theory and practice / ed. by V. A. Belov. M.: Yurite-Izdat, 2007. 993 p.
2. Possibility [Electronic resource] // Explanatory dictionary of the Russian language by Ozhegov. Access mode: <http://www.ozhegov.org/words/3809.shtml> (date of viewing: 01.12.2011).
3. Tarkhov V. A. Civil law. General part. Ufa: Ufa law institute of the RF Ministry of Internal Affairs, 1998. 207 p.
4. Yavitch L. S. General theory of law. L.: Publishing house of LGU, 1976. P. 176–177.
5. Ioffe O. S., Shargorodsky M. D. Issues of the theory of law. M.: Legal literature, 1961. 381 p.
6. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy (theoretical issues of the subjective right). Saratov: Publishing house of Saratov university, 1972. 290 p.
7. Komarov S. A. General theory of the state and law. SPb.: Piter, 2004. 512 p.
8. Civil law: textbook: in 2 parts. 3 ed., revised and amended / edited by A. P. Sergeyev, Yu. K. Tolstoy. M.: PROSPEKT, 1998. Part I. 632 p.
9. Rudinsky F. Civil rights of a human being: general theoretic issues // Law and life. 2000. # 31.
10. Selivanova O. Yu. Subjective law: essence, structure and value: abstract of dissertation of the candidate of science. N. Novgorod, 2001. 22 p.
11. Aleksandrov N. G. Legitimacy and legal rights in the Soviet society. M.: Gosgorinzdat, 1955. 175 p.
12. Matuzov N. I., Semenko B. M. Examination of the issue of legal duties of the USSR citizens // Soviet state and law. 1980. # 12. P. 25–36.
13. Matuzov N. I. Legal duties and responsibility as components of the legal status of personality // Constitution of the USSR and legal conditions of personality. M., 1979. P. 83–91.
14. Theory of state and law: textbook: in 2 parts. Ekaterinburg, 1994. Part 2. 207 p.
15. Theory of state and law: lectures / ed. by N. I. Matuzov and A. V. Malko. M.: Yurist, 1997. 672 p.
16. Alekseyev S. S. Mechanism of legal regulation in the social state. M.: Legal literature, 1966. 187 p.

УДК 343.57
ББК 67.408.132

Горничар Герман Михайлович,
соискатель каф. уголовного права и криминалистики
Ростовского института защиты предпринимателя,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: meon_nauka@mail.ru

АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА И УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION AIMED AGAINST ILLEGAL TURNOVER AND USE OF DRUGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Анализируются пробелы ст. 228 и 228.1 УК РФ, предлагается внести ряд изменений в редакции данных статей. Рассматриваются вопросы, возникающие при квалификации незаконного изготовления, переработки, хранения, перевозки наркотиков. Анализируются поправки, внесенные в УК РФ, вступившие в силу 12 мая 2004 г., касающиеся регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Указываются недостатки ряда положений Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Комментируется вопрос разграничения понятий изготовления наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228 УК РФ) и их производства (ст. 228.1 УК РФ).

The article has analyzed the gaps of Article 228 and 228.1 the RF Criminal Code, and has proposed the number of changes to the revisions of these articles. The issues arising in the process of classification of illegal manufacturing, processing, storage, transportation of drugs have been reviewed. The amendments to

the RF Criminal Code that entered into force on 12 May 2004 concerning the regulation of responsibility for illegal turnover of narcotic drugs and psychotropic substances have been analyzed. Weaknesses of the number of provisions of Plenum of the Supreme Court on June 15, 2006 # 14 “On the court practice in the cases of crimes connected with narcotic drugs, psychotropic and poisonous substances” have been specified. The article has commented the issue of distinction between the concepts of manufacturing of narcotic drugs and psychotropic substances (Article 228 of the RF Criminal Code) and their production (Article 228.1 of the RF Criminal Code).

Ключевые слова: квалификация, незаконное изготовление, переработка, хранение, перевозка, наркотические средства и психотропные вещества, преступления, сильнодействующие и ядовитые вещества, пробелы в ст. 228 и 228.1 УК РФ, поправки, внесенные в УК РФ, вопрос разграничения понятий изготовления наркотических средств и психотропных веществ и их производства.

Keywords: qualification, illegal manufacture, processing, storage, transportation of narcotic drugs and psychotropic